

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ, РОССИЙСКОЙ И СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

УДК 94 (571.1):332.021.08

Д. Н. Белянин

*Кузбасский государственный технический университет
им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИ- РИ ПО ДАННЫМ МАТЕРИАЛОВ КОМИССИИ В. К. КУЗНЕЦОВА

Статья посвящена анализу материалов комиссии В. К. Кузнецова. В 1911-1912 гг. по распоряжению Государственной думы было проведено обследование экономического положения переселенцев в Сибири. Подобные обследования регулярно проводились в конце XIX – начале XX веков с целью получения объективной информации об уровне благосостояния новоселов. Экономическое обследование проводилось в форме подворного опроса переселенцев. К выполнению этой работы были привлечены местных сибирских переселенческих организаций и сибирские специалисты по статистике, хорошо знакомые с местными условиями. Комиссия В. К. Кузнецова особое внимание уделила выяснению размеров землепользования переселенцев, размерам посевных площадей и покосов на двор, обеспеченности новоселов скотом, инвентарем, жилыми и нежилыми постройками. Особое внимание комиссия В. К. Кузнецова уделила сравнительному анализу данных по экономическому положению переселенцев до переезда в Сибирь и после. Анализ этих данных является одним из главных индикаторов, определяющих успешность результатов крестьянских переселений в Сибирь.

Ключевые слова: крестьянские переселения, аграрная колонизация Сибири, Столыпинская переселенческая политика, экономическое положение переселенцев.

Вопрос об экономическом положении переселенцев в Сибири имеет одно из ключевых значений в контексте общей оценки результатов переселенческой политики государства. Этот вопрос был дискуссионным еще в начале XX в. и остается таковым на современном этапе. Существующие на этот счет мнения диаметрально противоположны. Одни исследователи, хоть и с оговорками, но признавали, что переселенцы в основной массе быстро развивали собственное хозяйство, последовательно увеличивая посевы, покосы, поголовье скота, увеличивали свой доход и со временем на новом месте заводили более устойчивые хозяйства, чем имели на родине [Томилова, 1970, с. 22; Степынин, 1962, с. 424]. Современные историки также отмечают тенденцию роста всех основных показателей в хозяйствах новоселов и при-

держиваются мнения, что временной фактор играл важнейшую, если не вообще решающую роль в процессе становления переселенческих хозяйств [Разгон, Храмков, Пожарская, 2010, с. 215-216; Тюкавкин, 2001, с. 280].

Другая оценка носит пессимистичный характер. Вкратце она сводилась к нескольким положениям: средств, привезенных с родины, и полученных ссуд новоселам не хватало для заведения собственного хозяйства [Островский, 1991, с. 187], поэтому факт улучшения экономического положения новоселов в Сибири просто отрицался, в итоге большинство крестьян после переселения окончательно разорились, а крепкие хозяйства смогло завести лишь «ничтожное меньшинство» [Соловьева, 1956, с. 11-12; Аврех, 1991, с. 89]. Такая оценка характерна для трудов большинства историков советского периода.

Такая полярная разница в оценках заставляет нас обратиться к первоисточникам, анализ которых должен стать аргументом в пользу первой или второй оценки экономического положения переселенцев в Сибири. В настоящей работе предполагается подвергнуть анализу данные экономического обследования переселенческих хозяйств, проведенные комиссией В. К. Кузнецова в 1911–1912 гг.

Комиссия была организована Переселенческим управлением по просьбе Госдумы, целью обследования было выяснение вопроса об экономическом положении переселенцев после водворения в Сибири и степени их благосостояния по сравнению с бывшим положением на родине. Возглавил комиссию специалист по статистическим исследованиям В.К. Кузнецов. Комиссией было проведено обследование экономического положения переселенческих хозяйств в 447 поселках, была проведена сплошная подворная перепись 31 984 хозяйств (из них в Западной Сибири – более 20 000). В этих материалах содержится группировка переселенческих хозяйств по времени водворения, посевным площадям, покосам и наличию скота, обеспеченности рабочей силой и денежными средствами на момент водворения. Обследованием были охвачены переселенческие поселки в различных природно-географических

полосах: степь (I), западносибирская лесостепь (II), восточносибирская лесостепь (III) и таежно-урманная полоса (IV). Данные для I полосы были собраны в Акмолинском уезде (Акмолинская область) и южной части Ачинского уезда (Енисейская губерния), для II полосы – в Омском уезде (Акмолинская область) и Тюкалинском уезде (Тобольская губерния). В III полосе (лесостепь Восточной Сибири) обследованию подверглись переселенческие хозяйства северной части Ачинского уезда, Красноярский и Канский уезды (все – Енисейская губерния), Нижнеудинский и Балаганский уезды (Иркутская губерния), в IV полосе (урман и тайга) были обследованы Тарский и Туринский уезды (Тобольская губерния) и Верхоленинский уезд (Иркутская губерния) [Сборник, 1913, с. VII, IX, 2].

В V том были сведены результаты экономического обследования переселенцев Томской губернии. Это обследование охватило 4 природно-географические зоны губернии: I – степную, II – лесостепную, III – переходную зону между лесостепью и тайгой и IV – таежную. Было обследовано 111 поселков в степной зоне Каинского и Барнаульского уездов (6 131 семья), 35 поселков лесостепной зоны Каинского уезда (3 371 семья), 101 поселок в переходной зоне между лесостепью и тайгой в Томском и Мариинском уездах (6 581 семья) и 44 поселка в таежной зоне Томского и Мариинского уездов (2 810 семей) [Сборник, б. г., с. 5].

Причем в Тобольской, Енисейской, Иркутской губерниях и Акмолинской области обследовались поселки возрастом не менее 3-х лет (обследовались поселки по принципу их «типичности» для данной местности). В Томской губернии такой подборки не было, и для исследования брались все поселки подряд находящиеся на определенной площади той или иной «типичной» местности. Поэтому в число обследованных поселков Томской губернии попало значительное число поселков возрастом моложе 3-х лет. В результате средний возраст обследованных переселенческих поселков Томской губернии по сравнению с другими районами Сибири оказался «моложе» – 5,5 лет против 7,5. Фактически среди охваченных экономическим обследованием

переселенческих хозяйств Томской губернии 53,9% относилось к числу очень молодых, просуществовавших 3 и менее лет, а 24,5% – относились к средневозрастным (4–7 лет). Причем доля «молодых» хозяйств в разных природно-географических поясах была неодинаковой. Например, среди обследованных хозяйств степной полосы Томской губернии к «молодым» относилось 79,3% дворов [Сборник, б. г., с. VIII, 15, 25]. Однако, несмотря на высокую долю более «молодых» дворов, экономические показатели «томских» переселенцев в целом ненамного отличались от показателей в других регионах Сибири. Так, в среднем на переселенческое хозяйство в Томской губернии приходилось 38,7 десятин земли, в прочих губерниях – 38,3 десятины; бюджет среднего переселенческого хозяйства в Томской губернии составлял 509 рублей, в прочих губерниях – 547 рублей. Избыток хлеба в переселенческих хозяйствах Томской губернии составлял 30–120 пудов, в других губерниях – 50–150 пудов [Сборник, б. г., с. XIV].

В целях объективности обследования переселенческие дворы были разбиты на группы как в зависимости от сроков давности водворения, так и в зависимости от площади посева. Обследованные хозяйства делились на несколько временных групп: прожившие менее 3-х лет (I), прожившие 3 года (II), прожившие 4-7 лет (III), 8-18 лет (IV) и более 18 лет (V). Также обследование затронуло непричисленные хозяйства, правда, без учета срока давности их проживания на участке.

Таким образом, материалы комиссии В. К. Кузнецова обладают необходимой степенью репрезентативности и являются ценным историческим источником для анализа экономического положения переселенцев Сибири.

Одним из главных показателей, характеризующих имущественное положение переселенцев, был размер посевной площади. Этому показателю придавалось особое значение, так как в основной своей массе переселенческие хозяйства были ориентированы на зерновое производство. Материалы, собранные комиссией В. К. Кузнецова объективно показали, что среди переселенцев имелись малосеющие, среднесеющие и многосеющие дворы, кото-

рые в неодинаковой степени обладали скотом и хозяйственным инвентарем (см. таблицу 1).

Таблица 1

Группировка переселенческих дворов по имущественному положению

Посевные группы	Число дворов	Их % к общему числу	В среднем на одно хозяйство				
			посева (десятин)	покоса (десятин)	постройка	хоз. инвентаря (штук)	крупного скота (голов)
А и Б	4 341	14,9	0,6	2,8	1,9	2,0	4,2
В	8 095	27,7	2,3	4,2	2,7	3,8	7,8
Г	10 569	36,2	5,6	6,4	3,3	6,2	15,4
Д	4 187	14,4	15,8	12,5	5,4	11,2	30,1
Итого	27 192	93,2	5,4	6,1	3,2	5,6	13,6
Н	1 972	6,8	2,2	2,0	0,5	2,0	4,2
Вообще	29 164	100	5,1	5,9	3,2	5,4	13,0

Таблица составлена по: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Вып. I. СПб.: типография «Экономия», 1913. С.70.

В таблице 1 в зависимости от размеров посевной площади хозяйства новоселов были разбиты на несколько групп: А – хозяйства без полевого посева, отчасти имевшие только огороды, на которых высаживались овощи или производился посев 1-2 пудов хлеба, Б – дворы с посевом до 1 десятины, В – дворы с посевом 1-3 десятины, Г – дворы с посевом 3-9 десятин, Д – дворы с посевом св. 9 десятин, Н – «непричисленные» хозяйства. Подсчет произведен по всем природно-географическим зонам, включая Восточную Сибирь.

Анализ данных таблицы 1 показывает, что самые малосеющие группы хозяйств одновременно обладали и наименьшей обеспеченностью хозяйственным инвентарем, постройками и крупным рогатым скотом. Для среднеюющих и многосеющих групп обеспеченность имуществом и скотом повышалась.

Обследованные комиссией В. К. Кузнецова дворы «непричисленных» переселенцев в среднем по экономическим показателям были близки к малосеющим дворам «причисленных» переселенцев.

Корреляция возрастных и посевных групп показала, что между ними есть прямая связь (см. таблицу 2).

Таблица 2

Корреляция посевных и временных групп переселенческих дворов

Группы приписных хозяйств	Число хозяйств в возрастных группах					Итого
	I	II	III	IV	V	
А и Б	1 902 (43,9%)	750 (17,3%)	998 (22,9%)	571 (13,1%)	120 (2,8%)	4 341
В	2 105 (26,1%)	1 455 (18,0%)	2 734 (33,7%)	1 643 (20,3%)	158 (1,9%)	8 095
Г	1 228 (11,6%)	1 485 (14,1%)	3 303 (31,2%)	4 077 (38,6%)	476 (4,5%)	10 569
Д	205 (4,9%)	382 (9,1%)	1 140 (27,2%)	2 170 (51,9%)	290 (6,9%)	4 187
Всего	5 440 (20,0%)	4 072 (15,0%)	8 175 (30,1%)	8 461 (31,1%)	1 044 (3,8%)	27 192 (100%)

Таблица составлена по: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Вып. I. СПб.: типография «Экономия», 1913. С.40-41.

Данные таблицы 2 показывают, что беспосевные и малопосевные группы в основном соответствовали наиболее молодым временным группам – 61,2% таких хозяйств относится к группам I (прожившие до 3-х лет) и II (прожившие 3 года). Для последующих временных групп доля беспосевных и сеющих до 1 десятины последовательно падает до малозначимой величины в 2,8% в самой «старой» временной группе V (прожившие более 18 лет).

Группа В переселенческих дворов (сеющие 1-3 десятины) тоже может быть отнесена к малосеющим и также представлена в значительной степени (44,1% хозяйств) двумя самыми «молодыми» временными группами I и II. В следующей временной группе III (прожившие 4-7 лет) посевная группа В представлена 33,7%, а в последующих возрастных группах доля дворов, сеющих 1-3 десятины, сокращается до 20,3% и 1,9%.

Группа Г (сеющие 3-9 десятин) может быть отнесена к среднесеющим. В самых молодых возрастных группах I и II она представлена 25,7%, в последующих двух временных группах III (прожившие 4-7 лет) и IV (прожившие 8-18 лет) доля дворов, засевающих 3-9 десятин, последовательно увеличивается до 31,2% и 38,6% соответственно, снижаясь лишь в самой «старой» группе до 4,5%.

Посевная группа Д (сеющие св. 9 десятин) может быть условно отнесена к многосеющим, она немногочисленна в первых двух временных группах I и II, стремительно возрастает в следующей временной группе III до 27,2% и еще более возрастает в группе IV до 51,9%.

Таким образом, можно сделать вывод, что беспосевные и малосеющие группы в основной массе соответствуют двум самым ранним по времени водворения группам (прожившие 3 и менее годов), среднесеющая группа представлена в основном возрастными группами III и IV (прожившие 4-7 и 8-18 лет), многосеющая группа в абсолютном большинстве (51,9% дворов) представлена временной группой V (прожившие 8-18 лет). Эти данные, во-первых, показывают, что большая часть малопосевных и беспосевных хозяйств являлась самыми молодыми по времени водворения, во-вторых, доказывают, что в зависимости от давности водворения последовательно увеличивается процент среднесеющих и многосеющих дворов.

Некоторое несоответствие можно наблюдать лишь применительно к V возрастной группе переселенческих дворов (прожившие более 18 лет в Сибири). Наибольшая доля многосеющих дворов переселенцев приходится на IV возрастную группу (8-18 лет), а в самой «старшей» группе доля многосеющих хозяйств стремительно снижается до 6,9%. В. К. Кузнецов объяснил этот факт малочисленностью обследованных хозяйств этой группы и «некоторой случайностью относящихся к ней величин посева» [Сборник, 1913, с. 26-27].

Основной тенденцией, характерной для развития переселенческих хозяйств, по данным комиссии В. К. Кузнецова, было увеличение основных экономических показателей в зависимости от давности водворения в Сибири.

Более возрастные хозяйства в основной массе были лучше обеспечены сельскохозяйственными угодьями, скотом и инвентарем.

Таблица 3

Экономическое положение переселенческих хозяйств Западной Сибири
в разных возрастных группах

Возрастные группы	Число дворов	Приходилось в среднем на хозяйство десятин		
		посева	покоса	посева и покоса
I (прожившие менее 3-х лет)	948	3,1	4,4	7,5
II (прожившие 3 года)	6 443	5,1	6,8	11,9
III (прожившие 4-7 лет)	6177	5,7	6,7	12,4
IV (прожившие 8-18 лет)	2 698	7,9	6,8	14,7
V (прожившие более 18 лет)	3 333	7,8	8,9	16,7
Итого	19 599	5,9	6,5	12,4

Подсчитано по: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Вып. I. СПб.: типография «Экономия», 1913. С.19, 26.

В таблице 3, рассчитанной нами по данным I, II и IV природно-географических зон (кроме восточносибирской лесостепи), отчетливо прослеживается тенденция последовательного возрастания посевов и покосов в переселенческих хозяйства в зависимости от времени водворения. Некоторое отклонение можно заметить лишь по данным о покосах в группах II и III: в группе хозяйств, проживших в Сибири 3 года средний размер покоса равен 6,8 десятин, в следующей возрастной группе (прожившие 4-7 лет) этот показатель снижается до 6,7 десятин, а в группе проживших 8-18 лет вновь чуть поднимается до 6,8 десятин. Такое же отклонение заметно и по данным посева для групп IV и V: в группе проживших в Сибири 8-18 лет средний размер посева 7,9 десятин, а в самой старшей группе – 7,8 десятин. Однако если рассматривать данные по посевам и покосам в комплексе, то можно отметить, что общие данные находятся в строгой зависимости от давности водворения. При этом в хозяйствах, где больше засеивали, сокращался покос (группы II и IV), при увеличении покоса в группе V произошло некоторое сокращение посевной площади.

Тенденция увеличения экономического роста в зависимости от давности водворения прослеживается и по показателю обрабатываемой земли, причем во всех природно-географических поясах (см. таблицу 4).

Таблица 4

Динамика роста обрабатываемой площади в переселенческих хозяйствах Томской губернии в разных природно-географических зонах

Возрастные группы	Количество десятин обрабатываемой площади в поясах				
	I	II	III	IV	Всего
менее 3-х лет	22,0	10,6	11,0	8,4	17,1
3 года	24,5	13,4	14,8	10,0	17,5
4-7 лет	28,2	16,6	15,2	10,4	17,2
8-18 лет	43,8	18,0	18,5	13,3	20,3
более 18 лет	45,1	18,5	18,4	24,5	20,3
Всего	25,2	16,0	15,1	10,9	17,9

Таблица составлена по: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Вып. V. СПб.: типография «Экономия», б. г. С.16.

Данные таблицы 4 подтверждают, что со временем среднее переселенческое хозяйство увеличивает обрабатываемую площадь практически во всех природно-географических зонах. Наиболее динамично увеличивалась обрабатываемая площадь в хозяйствах степной полосы (I). Примечательно, что переселенческие дворы даже самой ранней возрастной группы в степной полосе имели обрабатываемой земли больше, чем новоселы самых старших возрастных групп в других природно-географических поясах. Это можно объяснить как легкостью вовлечения в сельскохозяйственный оборот земель в степной полосе, так и молочно-скотоводческой направленностью хозяйств степной зоны. Нельзя не отметить, что обрабатываемая площадь в хозяйствах первых 3-х возрастных групп возросла относительно плавно от 22 десятин (у дворов, проживших в Сибири менее 3-х лет) до 28,2 десятин (у дворов, проживших 4-7 лет). А в хозяйствах следующей возрастной группы (8-18 лет) площадь обрабатываемой земли на двор сравнительно с предыдущей возрастной группой выросла сразу почти на 15 десятин и достигла 43,8 десятин.

Переселенческие хозяйства лесостепи и переходной зоны развивались менее динамично в сравнении с хозяйствами степной полосы. Показатели средней обрабатываемой площади на двор во II (лесостепь) и III (переходная зона) природно-географических полосах Томской губернии почти идентичны. Это объяснимо схожестью природно-географических условий в этих полосах. Хозяйства в этих полосах имели ярко выраженную зерновую ориентацию, развивались медленнее, чем в степной полосе. Еще более медленными темпами развивались хозяйства таежной зоны (IV), где даже хозяйства, прожившие 8-18 лет, в среднем имели обрабатываемой площади более чем в 3 раза меньше, чем хозяйства степной полосы.

Если сравнить данные по обрабатываемой площади со средним размером переселенческих хозяйств Томской губернии, то выясняется, что максимальное вовлечение своих наделов в сельскохозяйственный оборот было характерно только для дворов степной полосы. Так, средний надел хозяйств I полосы был равен 47 десятин, что почти совпадает с размером обрабатываемой площади для дворов 2-х самых старших возрастных групп: прожившие 8-18 лет обрабатывали 43,8 десятины, а прожившие более 18 лет – 45,1 десятины. Эти данные дают основания утверждать, что переселенческие дворы степной полосы самых старших возрастных групп использовали земельно-ресурсный потенциал своих наделов почти с максимальной интенсивностью.

В других природно-географических поясах ситуация иная. В лесостепной полосе (II) в среднем на хозяйство приходилось 35,7 десятин, в переходной (III) – 31,7 десятины. Хозяйства самой молодой возрастной группы (мее 3-х лет) имели обрабатываемой площади в лесостепи и переходной полосе соответственно 10,6 и 11 десятин на двор. Это свидетельствует, что уже на самой ранней стадии развития переселенческие хозяйства в указанных полосах Томской губернии вовлекли в сельскохозяйственный оборот примерно 30% земель от своего надела. Однако в дальнейшем рост обрабатываемой площади в хозяйствах этих природно-географических полос происходил менее интенсивно. В итоге даже самые старшие возрастные группы (более 18

лет) имели обрабатываемой площади немногим более 50% от своих наделов. Это можно объяснить направленностью хозяйств указанных природно-географических полос на удовлетворение в основном личных потребностей.

Переселенческие хозяйства IV (таежной полосы) Томской губернии развивались более медленно, чем в других природно-географических зонах, что объяснимо трудностью вовлечения в сельскохозяйственный оборот таежных пространств. Даже переселенцы, прожившие 8-18 лет, имели обрабатываемой площади 13,3 десятины при среднем наделе в 36,6 десятины. Однако дворы самой старшей возрастной группы (прожившие более 18 лет) имели уже 24,5 десятины обрабатываемой площади, что даже больше, чем в хозяйствах той же возрастной группы лесостепной и переходной зон.

В целом, можно утверждать, что хозяйства степной полосы уже через 8-18 лет почти полностью вовлекали в сельскохозяйственный оборот земли своих наделов, тогда как переселенческие хозяйства лесостепной, переходной и таежной полос даже после 18 лет имели значительный резерв для своего роста.

Известный исследователь-аграрник Н. П. Огановский на основе более ранних статистических обследований переселенцев выявил тенденцию, что хозяйство переселенцев в первые годы пребывания на участке росло, спустя 2–3 года достигало тех размеров, что были на родине. Через 4–8 лет оно вырастает вдвое, а затем *дальнейший рост замедляется*. И лишь у проживших 10–11 лет посеvy вновь возрастали. Причем, по данным более ранних обследований, переселенцы в среднем имели по 38 десятин на двор и свободно могли расширять посевную площадь. Огановский предложил такое объяснение этому парадоксу: дойдя до определенного предела, переселенец покрывал свои личные и хозяйственные потребности, после чего для дальнейшего расширения посевов стимул уже отсутствовал. В связи с этим Н. Огановский поставил закономерный вопрос, зачем трудиться сверх пределов «сытости», чтобы хлеб задаром сгнивал в амбарах [Огановский, 1914, с. 117-119]? Это объяснение можно считать верным особенно для районов, удаленных от же-

лезных дорог районов, где не было рынков сбыта для зерна, или не было дорог к этим рынкам и где хозяйство новоселов носило оттенок натуральности. С. С. Базыкин на материалах по Тюкалинскому уезду выявил некоторую зависимость между %% распаханной земли и удаленностью от железнодорожных станций. Так, при удаленности от железнодорожных станций до 25 км крестьянские дворы распахивали 66% земли, при удаленности на 50–80 км – процент распашки падал до 55, а при удаленности более 100 км – даже до 48% [Базыкин, 1929, с. 47-48]. Посетивший в 1910 г. Сибирь П. А. Столыпин также отметил, что вне полосы, прилегающей к Сибирской дороге, переселенческие хозяйства имеют натуральный характер – почти все зарабатывается и потребляется внутри самого хозяйства. На сторону продается лишь 18% произведенной продукции [Столыпин, Кривошеин, 1911, с. 75].

Нельзя не отметить, что обследование, проведенное комиссией В. К. Кузнецова, выявило неодинаковость обеспечения рабочей силой хозяйств разных природно-географических полос. К примеру, в Томской губернии среднее переселенческое хозяйство степной полосы состояло из 3,1 надельной души, в лесостепной – из 2,6, в переходной – из 2,7, а в таежной полосе – из 2,5 надельных душ [Сборник, б. г., с. 11]. Поэтому одной из причин ускоренного развития «степных» и медленного развития «таежных» переселенческих хозяйств следует считать лучшую обеспеченность рабочими руками первых и худшую обеспеченность вторых.

В качестве дополнительного индикатора, характеризующего развитие переселенческих хозяйств в зависимости от сроков давности водворения, рассмотрим показатели по обеспеченности переселенцев жилыми и нежилыми постройками, а также инвентарем (см. таблицу 5).

В таблице 5 нами учтены переселенческие хозяйства, обследованные во всех природно-географических поясах, включая Восточную Сибирь. Эти данные показывают постепенное увеличение количества жилых и нежилых построек на один двор, а также динамику роста средней обеспеченности переселенческих хозяйств земледельческими орудиями и транспортными сред-

ствами. Сопоставив данные таблиц 3 и 5 можно заметить зависимость в динамике роста средней обеспеченности земледельческими орудиями с увеличением посевных площадей: рост посевов и покосов соответствовал обеспеченности инвентарем и постройками.

Таблица 5

Обеспеченность переселенческих хозяйств Сибири разных временных групп постройками и инвентарем

Возрастные группы	Количество построек в среднем на двор		Количество орудий в среднем на хозяйство	
	жилых	нежилых	земледельческих	транспортных
I (прожившие менее 3-х лет)	0,9	1,3	1,9	1,8
II (прожившие 3 года)	1,1	1,8	2,5	2,3
III (прожившие 4-7 лет)	1,1	2,1	2,7	2,4
IV (прожившие 8-18 лет)	1,2	3,0	3,9	3,5
V (прожившие более 18 лет)	1,2	3,0	4,0	4,1

Таблица составлена по: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Вып. I. СПб.: типография «Экономия», 1913. С.58, 64.

Важным индикатором развития переселенческих хозяйств следует считать обеспеченность скотом. Комиссия В. К. Кузнецова выявила, что на этот показатель оказывали влияние несколько факторов. Во-первых, налицо была тесная связь размеров скотоводства с обеспеченностью новоселов посевами и покосами. Эта связь носила прямо пропорциональный характер. Во-вторых, обеспеченность скотом зависела от степени благоприятности природно-географических условий. В степной полосе обеспеченность среднего переселенческого хозяйства как крупным, так и мелким скотом была выше, и имела явно выраженную тенденцию к понижению в лесостепной и таежной полосах (см. таблицу 6). В-третьих, на размеры скотоводства влиял фактор давности пребывания в Сибири: имела место прямая и правильная зависимость количества скота от числа лет хозяйствования на участке.

Сопоставление данных таблицы 6 с данными по обследованию в Томской губернии показывает, что «томские» новоселы в таежной и лесостепной полосах были в среднем лучше обеспечены скотом. Переселенцы лесостеп-

ной полосы Томской губернии имели в среднем на двор 15,2 головы скота, а в таежной полосе – 12,8 голов. А вот в степной полосе «томские» переселенцы в среднем имели на двор лишь 10,7 голов скота, что не только меньше, чем в других степных районах Сибири, но и меньше, чем в других полосах Томской губернии. Хотя условия для развития скотоводства в степной полосе Томской губернии были более благоприятными, чем в других природно-географических полосах губернии. Это противоречие В. К. Кузнецов объяснил тем, что 79,3% из обследованных переселенческих дворов степной полосы Томской губернии просуществовали 3 и менее лет, поэтому не успели еще развиться в полной мере [Сборник, б. г., с. 24-25].

Таблица 6

Обеспеченность переселенческих хозяйств Сибири в разных природно-географических поясах.

Полосы	в среднем на хозяйство			
	крупного скота (голов)	мелкого скота (голов)	вообще скота (голов)	посева и покоса (десятин)
I. степь	5,1	10,5	15,5	16,0
II. западносибирская лесостепь	4,5	8,2	12,7	10,0
III. восточносибирская лесостепь	3,4	8,8	12,2	8,9
IV. тайга	3,1	6,9	10,0	6,2

Таблица составлена по: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Вып. I. СПб.: типография «Экономия», 1913. С.28–29.

Один из ключевых вопросов настоящего раздела состоит в сравнении имущественного положения переселенцев в Сибири и в губернии выхода. Этот вопрос можно даже считать одним из главных критериев оценки успешности переселенческой политики. Комиссия В. К. Кузнецова отмечала, что в среднем на родине переселенцы имели 4,5 десятины земли (надельной и купленной), а в Сибири средняя переселенческая семья имела надел в 38,3 десятины, т.е. землепользование новоселов выросло в 9 раз. При этом 22% дворов на родине вообще были безземельными, в Сибири же (среди водворенных переселенцев) безземельные отсутствовали совершенно. Значитель-

ным был прирост и сенокосных угодий. Например, хозяйства I и II полос (степь и западносибирская лесостепь) в губерниях выхода в среднем имели 0,3 десятины покоса на двор, после переселения обеспеченность сенокосами выросла до 9,4 и 5,3 десятин соответственно. Доля дворов, не имевших своего дома, в губернии выхода составляла 15,4%, в Сибири этот показатель упал до 2,8% [Сборник, 1913, с. 55-56]. Рост благосостояния новоселов был неодинаков по разным природно-географическим поясам. В наибольшей степени улучшили свое экономическое положение после переселения хозяйства лесостепной полосы. У переселившихся в лесостепь Томской губернии в среднем посев вырос на 128%, у переселившихся в переходную зону – на 92%. В меньшей степени выросли посеvy у переселенцев степной зоны – на 23% и таежной – на 16% [Сборник, б. г., с. 20].

Таблица 7

Сравнительное экономическое положение переселенцев на родине и в Сибири.

В среднем на хозяйство	в губернии выхода		в Сибири	
	у переселенцев, прибывших в Томскую губернию	у переселенцев, прибывших в другие губернии и области Сибири	у переселенцев в Томской губернии	у переселенцев других губерний и областей Сибири
десятин земли	5,2	4,5	38,7	38,3
десятин посева и сенокоса	5,2	3,0	15,9	11,5
чистого капитала (руб.)	193	239	384	466
избыток хлеба для рынка (пудов)	–	–	30–120	50–150
избыток мяса, молочных продуктов и т.п. для рынка (пудов)	–	–	20–55	20–50

Таблица составлена по: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Вып. V. СПб.: типография «Экономия», б. г. С. XIV.

Заметно выросла обеспеченность скотом. Так, по данным материалов комиссии В. К. Кузнецова, переселенцы Томской губернии на родине имели в среднем 5,8 голов скота, после переселения – 12,2 головы [Сборник, б. г., с. 24].

В качестве дополнения можно обратиться к данным таблицы 7, где представлены сравнительные показатели экономического положения новоселов Томской губернии и других регионов Сибири до и после переселения. Эти данные показывают, насколько улучшилась обеспеченность крестьян землей, пашней и покосом после переселения. Улучшение в обеспеченности пашней и покосом отразилось и на обеспеченности продовольствием: в Сибири среднее переселенческое хозяйство, по данным комиссии В. К. Кузнецова, не только обеспечивало свои потребности в продовольствии, но и имело излишки зерна, мяса, молочных и других продуктов для продажи на рынок. В губернии выхода таких излишков не было.

Значимым индикатором, характеризующим динамику развития переселенческих хозяйств, можно считать данные о размерах капитала новоселов, собранные комиссией В. К. Кузнецова (см. таблицу 7). Под капиталом В. К. Кузнецов понимал как наличные деньги, так и (в пересчете на деньги) хозяйственный инвентарь, жилые и нежилые постройки, мелкие орудия и инструменты, крупный и мелкий домашний скот, включая птицу. Комиссия В. К. Кузнецова зафиксировала данные по капиталу в переселенческих хозяйствах, во-первых, на момент отъезда из губернии выхода; во-вторых, при водворении в Сибири; в-третьих, на момент переписи 1911–1912 гг. Сопоставление этих данных позволяло проследить динамику изменения капитала в переселенческих хозяйствах на разных стадиях переселенческого процесса. При отъезде в Сибирь средний размер капитала в семье переселенца оценивался в **239 рублей** (включая не только деньги, но и скот, и хозяйственное имущество). На момент водворения на каждое из переселенческих хозяйств приходилась сумма в **161 рубль**. Разница между суммами в губернии выхода и в Сибири (на момент начала обзаведения хозяйством) составляла 78 рублей.

Эта разница объяснялась в основном дорожными расходами, связанными с переездом. На момент переписи 1911–1912 гг. в среднем на переселенческое хозяйство приходилось 556 рублей. В целях выяснения более объективной картины от этой суммы В. К. Кузнецов отнял имевшиеся за переселенцами долги и недоимки. В итоге капитал среднего переселенческого хозяйства на момент переписи определился в **466 рублей**, что на 95% больше того, что имели переселенцы в губернии выхода. Хозяйств с таким капиталом, по оценке В. К. Кузнецова, было 80% от числа всех переселенческих дворов, они относились к дворам, прожившие на участке 3 и более лет. В среднем же, по оценкам Кузнецова, через 11 лет капитал переселенцев удваивался по сравнению с тем, который был в губернии выхода [Сборник, 1913, с. 138–149]. Конечно, методика, использованная В. К. Кузнецовым при подсчете капитала переселенцев, имеет изъяны. В. К. Кузнецов использовал лишь обобщенные данные, не выделяя имущественные группы новоселов, которые, безусловно, в неодинаковой степени обладали денежными средствами и имуществом.

Показателем, характеризующим экономическое положение переселенцев, являются данные по платежеспособности переселенческих хозяйств. С одной стороны, данные комиссии В. К. Кузнецова показали, что обследованные во всех полосах переселенческие дворы имели задолженность по денежным и продовольственным ссудам. Из обследованных дворов ссуду получили 20 724 двора на сумму 2 645 240 рублей, кроме того, в виде помощи 10 616 дворов, из числа обследованных, получили хлебную ссуду в размере 440 098 пудов. При этом многие дворы уже начали возвращать выданные ссуды. Так, переселенцы вернули 291 115 рублей из числа денежных ссуд (11% суммы долга) и 99 260 пудов хлеба (22,6%).

Значительность суммы задолженности по ссудным долгам не должна вводить в заблуждение. На момент обследования почти все «столыпинские» переселенцы еще не исчерпали льготный период. Кроме того, наличие ссуд-

ных долгов объяснимо тем, что выплата ссуд должна была производиться в течение 10 лет.

С другой стороны, материалы комиссии В. К. Кузнецова показывают очень низкую задолженность переселенцев по податям и сборам: из общей суммы задолженности в 2 767 912 рублей на долю долгов по податям и сборам приходилось всего 72 949 рублей (2,6% или менее 3-х рублей на обследованное хозяйство) [Сборник, 1913, с. 135-136].

Бюджет среднего переселенческого двора был значительно выше, чем у крестьян Воронежской и Калужской губерний. Результаты экономического обследования новоселов комиссией В. К. Кузнецова показали, что переселенцы практически всех природно-географических полос питались лучше, чем крестьяне Калужской и Воронежской губерний [Сборник, 1913, с. 168-169]. С высокой степенью благосостояния переселенцев (по данным обследования 1911–1912 гг.) В. К. Кузнецов связывал величину естественного прироста в семьях новоселов. Размер этого прироста был не одинаков по разным районам, в степной и лесостепной полосах Западной Сибири он достигал показателей 4,7% и 3,3% соответственно. В восточносибирской лесостепи показатель естественного прироста снижался до 2,7%, а в таежно-урманной полосе – до 1,9% [Кузнецов, 1914, с. 331-332]. По стране в целом естественный прирост был равен 2,2%, тогда как средний ежегодный прирост в семьях новоселов во всех полосах Сибири равнялся 3,3% – т.е. выше в полтора раза [Сборник, 1913, с. 13].

Заметим, что естественный прирост в переселенческих хозяйствах можно объяснить не только ростом благосостояния новоселов. В современных исследованиях специалисты по исторической демографии связывают снижение смертности в Сибири с успехами здравоохранения, которые существенно сократили смертность от инфекционных заболеваний [Ефимкин, Ламин, 2010, с. 9; Хозяйственное освоение..., 2012, с. 172].

Нельзя не отметить, что основная масса обследованных переселенческих хозяйств использовала в Сибири сельскохозяйственные угодья с мень-

шей степенью интенсивности, чем в губерниях выхода. Это свидетельствовало о том, что переселенческие хозяйства не достигли пределов своего развития и имели резерв для дальнейшего роста. Применяемая переселенцами, как на родине, так и в Сибири, трехпольная система предполагала ежегодное оставление части земельного надела под пар. В Томской губернии у переселенцев по всем природно-географическим поясам под паром было в среднем 27% наделных земель, на родине этот показатель был меньше – 23,3%. Таким образом, до переселения крестьяне вели более интенсивное хозяйство, после переселения интенсивность эксплуатации сельскохозяйственных угодий снизилась. В. К. Кузнецов объяснил этот факт тем, что в губерниях выхода у крестьян размер посева был относительно невелик и недостаточен для обеспечения всех потребностей. Этот недостаток они пытались компенсировать более интенсивной степенью эксплуатации пашни, вынужденно сокращая площадь пара. После переселения в Сибирь размеры посевных площадей у крестьян выросли, поэтому степень интенсивности эксплуатации пахотных угодий снизилась. Так, в Томской губернии площадь посева в среднем на двор у переселенцев степной полосы составляла 8,1 дес., а в губернии выхода – 6,6 дес., т.е. фактическое увеличение пашни составило 23%. Даже в хозяйствах таежной полосы Томской губернии, несмотря на объективные трудности, связанные с расчисткой таежных участков, фактическое увеличение пашни составило 16% по сравнению с губернией выхода. А в хозяйствах лесостепной полосы и переходной от лесостепи к тайге этот рост был еще более значительным – 128% и 92% соответственно [Сборник, б. г., с. 19-20].

В целом материалы комиссии В. К. Кузнецова свидетельствовали, что в основной массе переселенцы улучшили свое положение после переезда в Сибирь. Материалы комиссии доказывали, что экономическое положение переселенцев находилось в прямой зависимости от давности пребывания в Сибири. Беспосевные и малосеющие хозяйства новоселов в основном относились к числу тех дворов, которые прожили на новом месте 3 и менее лет, хозяйства со средним размером посева в основном соответствовали дворам, про-

жившим в Сибири 4–7 и 8–18 лет, многосеющие хозяйства в абсолютном большинстве (51,9% дворов) относились к числу проживших на новом месте 8–18 лет. Эти данные позволяют выявить тенденцию роста большинства переселенческих хозяйств в зависимости от количества прожитых в Сибири лет.

В материалах комиссии Кузнецова широко использовалась статистические показатели, в основе которых лежали «средние» цифры, имела место и некоторая субъективность при подборе обследованных поселков. Поселки для обследования выбирались по принципу их «типичности» для данной местности, а не в случайном порядке. Отчасти это несколько обедняет результаты исследования, проведенного В. К. Кузнецовым. Например, при сравнении капитала переселенцев на родине и в Сибири было бы более корректно выделять отдельно капитал в переселенческих хозяйствах разных временных и имущественных групп новоселов. Это могло бы дать более объективную картину динамики капитала переселенцев.

Использование «средних» показателей дало основание некоторым историкам подвергнуть сомнению научные результаты работы комиссии В. К. Кузнецова, а самого Кузнецова обвинить в намерении приукрасить истинное экономическое положение переселенцев [Скляр, 1962, с. 383].

На наш взгляд, упрекать В. К. Кузнецова в тенденциозности нет оснований. Использование «средних» цифр не свидетельствует о намерении исказить картину или приукрасить ее. Методика использования среднестатистических показателей является широко распространенным явлением в экономической или демографической статистике. Использование такой методики не является антинаучным, хотя и не всегда позволяет в полной мере выявить тенденции каких-либо социально-экономических процессов.

Несправедливы обвинения В. К. Кузнецова и в том, что он пытался скрыть имущественное неравенство среди новоселов. Материалы комиссии Кузнецова, напротив, содержат данные о социальном расслоении переселенцев, показывают факт существования в Сибири непричисленных переселен-

цев и сведение об отсутствии у многих непричисленных своего жилья, посевов, скота и т.п., что никак не свидетельствует о стремлении умолчать об отрицательных сторонах переселенческого процесса или представить ситуацию лучше, чем она была на самом деле.

В. К. Кузнецов был сторонником идеи трудовых крестьянских хозяйств, а материалы, им опубликованные, содержат данные, во-первых, об имущественном расслоении переселенцев, во-вторых, о том, что значительная часть новоселов, по итогам обследования, не могла быть отнесена к числу «трудовых», так как трудовые нормы в многопосевных хозяйствах были превышены в 3 раза. Эти зажиточные дворы (их было 18,7%) широко использовали наемную рабочую силу, что никак не вписывалось в представления о трудовом характере хозяйств. Хотя полученные данные не соответствовали идейным взглядам самого В. К. Кузнецова, эти материалы были опубликованы, что подтверждает стремление автора к объективности.

Следует также принять во внимание, что получаемые в результате экономических обследований переселенцев данные могли быть искажены самими переселенцами, но не в сторону завышения, а в сторону *занижения*. Современники, наблюдавшие переселенческий процесс вживую, отмечали, что переселенцы даже по прибытии на участок стремились тщательно скрыть наличие у них денежных средств и зажиточные производили вид, чуть ли не нищих [Остафьев, 1891, с. 399]. Ведущие отечественные историки-аграрники советского периода проделали скрупулезный источниковедческий анализ и на примерах различных переписей и подворных обследований доказали, что крестьяне всячески стремились преуменьшить размеры своих хозяйств [Асалханов, 1975, с. 8-13; Асалханов, 1963, с. 71, 164, 221-223; Тюкавкин, 1966, с. 14-16, 27, 317-318]. Таким образом, материалы комиссии Кузнецова хотя и содержат серьезные недостатки, но показания самих переселенцев имеют тенденцию к занижению фактических экономических показателей, что нивелирует тенденциозность статистиков и приближает полученные комиссией В.К. Кузнецова показатели к объективным.

Библиографический список

- Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. – М.: Политиздат, 1991. – 286 с.
- Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1975. – 267 с.
- Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX века. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 494 с.
- Базыкин С. С. Сельское хозяйство и заселение // Северная Азия. – 1929. – № 3. – С. 26-54.
- Ефимкин М. М., Ламин В. А. Сибирское демографическое пространство: формирование, развитие, перспективы // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. – Новосибирск: Параллель, 2010. – Вып. 1. – С. 3-23.
- Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1911. – 4, 170 с.
- Кузнецов В. Экономическое положение переселенцев в Сибири // Вестник Европы. – 1914. – № 11. – С. 317-333.
- Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. – Саратов: Электро-типо-литогр. Б. Л. Рабинович, 1914. – Т. 3. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. – 335 с.
- Остафьев В. Переселенцы в Сибири // Юридический вестник. – 1891. – Т. 8. – С. 397-436
- Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. – 308, [1] с.
- Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 278 с.
- Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. – Вып. I. – СПб.: типография «Экономия», 1913. – XII, 194 с.
- Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. – Вып. V. – СПб.: типография «Экономия», б. г. – V, XV, 149, 21 с.
- Соловьева Е. И. Переселение крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы: автореферат дисс...канд. ист. наук. – Томск, 1956. – 17 с.
- Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический институт, 1962. – 561 с.
- Томилова Н. К. Переселение крестьян в Алтайский горный округ во второй половине XIX века (1865-1899 гг.): автореферат дисс...канд. ист. наук. – Томск, 1970. – 26 с.
- Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 302, [2] с.
- Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. – Иркутск: Вост. Сиб. кн. изд., 1966. – 471 с.
- Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы в Сибири в XX – начале XXI века / В. А. Ильиных [и др.]. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2012. – 256 с.

ECONOMIC SITUATION OF PEOPLE IN THE SIBERIA ACCORDING TO THE DATA OF THE COMMISSION OF V. K. KUZNETSOV

The article is devoted to the analysis of materials of the commission of V. K. Kuznetsov. In the years 1911-1912. by order of the State Duma, a survey was conducted of the economic situation of migrants in Siberia. Such surveys were regularly conducted at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries in order to obtain objective information about the welfare of the newcomers. The economic survey was carried out in the form of a household survey of immigrants. Local Siberian migrant organizations and Siberian statisticians who are familiar with local conditions were involved in this work. The commission of V.K. Kuznetsov paid special attention to clarifying the size of land use of immigrants, the size of the acreage and mowing to the yard, and the security of the newcomers with livestock, inventory, residential and non-residential buildings. The commission of V.K. Kuznetsov paid special attention to a comparative analysis of data on the economic situation of migrants before moving to Siberia and after. The analysis of these data is one of the main indicators determining the success of the results of peasant resettlements in Siberia.

Key words: peasant resettlement, agrarian colonization of Siberia, Stolypin migration policy, the economic situation of migrants.